

Н.А. Власов (Санкт-Петербург)

ПРУССКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ В 1860-е ГОДЫ

П ОСЛЕ образования в 1871 г. Германской империи Большой генеральный штаб пользовался огромным авторитетом как внутри страны, так и за ее пределами. Методы его работы тщательно изучали, а нередко и копировали, многие страны. Слава «полу-богов» из Большого генерального штаба и возглавлявшего их легендарного фельдмаршала Гельмута фон Мольтке (1800–1891) гремела по всей Европе.

Эти слава и влияние представляют собой разительный контраст с тем положением, в котором находился прусский Генеральный штаб всего лишь десятилетием ранее, в конце 1850-х гг. Играя весьма незначительную роль в системе военных институтов, он не оказывал большого влияния на прусскую армию, его авторитет был невысок; место начальника Большого генерального штаба большинство офицеров не считали ни желанным, ни почетным.

В чем же заключается причина разительных перемен, произошедших за столь короткий промежуток времени? Разгадка, казалось бы, лежит на поверхности – влияние и авторитет Большому генеральному штабу обеспечила та выдающаяся роль, которую он сыграл в ходе трех так называемых войн за объединение Германии (против Дании в 1864 г., Австрии в 1866 г., Франции в 1870 г.). Однако этот ответ справедлив лишь отчасти. Дело в том, что у Большого генерального штаба начала 1860-х гг. практически отсутствовали возможности как-то проявить себя в обстановке реального вооруженного конфликта; он не привлекался ни к руководству боевыми действиями, ни зачастую даже к планированию операций. Для того чтобы сыграть выдающуюся роль в условиях скоротечной

(несколько месяцев, а то и недель) кампании, необходимы были соответствующие предпосылки. Таким образом, возвышение Большого генерального штаба в 1860-е гг. объясняется целым комплексом причин, которым и посвящена данная статья.

Появление прусского Большого генерального штаба связано с деятельностью знаменитых военных реформаторов начала XIX в. – Г. фон Шарнхорста и Н. фон Гнейзенау. Согласно идеям Шарнхорста, генеральный штаб должен был внедрять в армии новейшие достижения военного искусства, содействовать подготовке высокопрофессиональных офицеров, а во время войны обеспечивать единство руководства на всех уровнях. Реальность оказалась куда скромнее. Реформа прусского военного министерства завершилась в 1814 г., и генеральный штаб стал всего лишь одним из его отделов. Само название «Большой генеральный штаб» появилось три года спустя. В состав этого органа входили секции для трех театров военных действий (занимавшиеся их изучением и планированием кампаний)¹, военно-историческая секция, секция с тригонометрическим и топографическим бюро, склад топографических карт и литографий. Постоянный штат Большого генерального штаба в Берлине насчитывал всего лишь 16 офицеров². На местах действовал Войсковой генеральный штаб – по три штабных офицера при каждом корпусе и по одному при каждой дивизии.

В 1824 г. Большой генеральный штаб вывели за рамки структуры военного министерства. Правда, он по-прежнему занимал подчиненное положение, к примеру, его шеф мог делать доклады королю только через военного министра. По мнению многих историков, он вел «теневое существование». На бумаге он обладал весьма значительным кругом обязанностей – в компетенции генштаба находились военное планирование, сбор информации о потенциальном противнике и театрах военных действий, военно-исторические исследования, подготовка штабных кадров. Другое дело, насколько серьезным было отношение к этому органу и его работе. «Генеральный штаб рассматривался многими как в принципе ненужная структура», – писал Л. Бурхардт³. Постоянно возникали разговоры о его ликвидации.

Таким образом, одной из основных сфер деятельности начальников Большого генерального штаба в первые десятилетия его существования являлась подготовка офицерских кадров. Система отбора в генеральный штаб была исключительно строгой. Подготовка

офицера длилась, как правило, 9 лет, из которых три он проводил в стенах военной академии и шесть – будучи прикомандированным к генеральному штабу. Стоит упомянуть, что обычно академию заканчивало не более половины поступивших, а в генштаб попадало не более трети окончивших академию. Штабная работа чередовалась со службой в войсках, что позволяло сотрудникам генштаба не отрываться от практики, а также уменьшить существовавшее у строевых офицеров недоверие к штабным работникам. Кроме того, для офицеров Большого генерального штаба организовывались ежегодные учебные поездки с проведением командно-штабных игр. Выбор местности, на которой проводилась игра, был произвольным и никак не связанным с вероятностью начала в этой местности реальных боев. Офицеры генштаба принимали также участие в осенних и весенних маневрах прусских войск.

Эта система практически не претерпела изменений вплоть до конца 1850-х гг. Главным советником короля в военной области считался военный министр; начальник генерального штаба был не более чем его помощником, которого, в принципе, могли и не привлекать к планированию и уж тем более проведению военных операций. Необходимость заблаговременного профессионального планирования еще не была осознана военным руководством, составить план кампании считалось делом не особенно сложным и не требующим большого времени и усилий. Во время мобилизации 1850 г. Большой генеральный штаб не играл вообще практически никакой роли⁴. Никакого влияния на обучение или организацию войск он не оказывал. «Генеральный штаб в те годы носил характер некоей академии или высшей школы военных наук», – напишет впоследствии один из исследователей⁵. По словам другого историка, «поскольку на протяжении длительного мирного периода у него было мало возможностей доказать свою эффективность, ему не доставалось никаких почестей»⁶. О роли генерального штаба в то время достаточно красноречиво говорит его численность. В Большом генеральном штабе в Берлине по штату числилось лишь 19 офицеров. Правда, имелись и прикомандированные из различных воинских частей, однако их тоже было немного (как правило, около 30 человек).

В октябре 1857 г. исполняющим обязанности начальника Большого генерального штаба был назначен генерал-майор Гельмут фон Мольтке – не слишком известный в военных кругах, однако имевший

обширные связи при дворе и пользовавшийся доверием регента, будущего короля Вильгельма I. Год спустя назначение приобрело окончательный характер. Мольтке резко активизировал военно-исторические и военно-теоретические исследования и начал постепенную борьбу за рост влияния подчиненной ему структуры.

В этом ему благоприятствовали несколько обстоятельств. В конце 1850-х гг. начал усиливаться конфликт между монархом и парламентом (ландтагом) по военным вопросам. Если Вильгельм I рассматривал вооруженные силы как свой личный домен, то либералы стремились получить право контроля над армией, используя в качестве инструмента давления право вето в отношении военного бюджета. В связи с проводившейся в это время военной реформой конфликт вылился в начале 1860-х гг. в масштабный внутривнутриполитический кризис.

Параллельно развивался конфликт между двумя военными структурами – военным министерством и военным кабинетом короля. Последний подчинялся только монарху и являлся его рабочим органом при осуществлении функций главнокомандующего. Военный кабинет ведал преимущественно кадровыми вопросами, однако его сфера полномочий не была четко ограничена. Это позволило влиятельному и амбициозному генералу Э. фон Мантойфелю, возглавлявшему военный кабинет в 1857–1865 гг., вести борьбу за увеличение своего влияния в ущерб военному министерству. Упомянутый выше политический кризис благоприятствовал ему – в отличие от военного министерства военный кабинет не был никак подконтролен парламенту и поэтому пользовался особым доверием монарха. Во многом благодаря Мантойфелю Мольтке был обязан своим назначением; влиятельный советник короля рассматривал Большой генеральный штаб как своего союзника в борьбе против военного министерства. Таким образом, соперничество двух структур открывало перед Большим генеральным штабом «окно возможностей» по усилению своего влияния; на руку Мольтке играло и то обстоятельство, что ни военное министерство, ни военный кабинет не воспринимали этот орган в качестве потенциального соперника.

В новом начальнике Большого генерального штаба прекрасно сочетались понимание того, что современная война требует новой системы планирования и управления войсками, и умение терпеливо дожидаться своего часа. Стараясь не привлекать лишнего

внимания к своей деятельности, он начал постепенно готовить генеральный штаб к выполнению новых, более масштабных задач. Как писал один из крупнейших немецких военных историков, «если ранее Большой генеральный штаб играл роль учебного заведения для военачальников, то теперь Мольтке решительно начал превращать его в работоспособный мозговой и нервный центр армии»⁷. В 1859 г. в генеральном штабе была создана специальная железнодорожная секция, тогда же увидело свет первое расписание движения поездов на случай мобилизации. В 1862 г. Мольтке явочным порядком приступил к созданию военно-научного отделения; большое внимание уделялось анализу технических новинок в военной области. С конца 1850-х гг. он настойчиво воплощал в жизнь идею об отправке военных атташе в столицы крупнейших европейских держав. До этого таковой имелся лишь в Вене, если не принимать во внимание военного уполномоченного в Петербурге, подчинявшегося лично королю. Уже в 1859 г. прусский атташе появился в Париже. Важной составной частью деятельности генерального штаба оставались ежегодные учебные поездки; в 1858 г. Мольтке разработал основные положения, по которым должны были проводиться учения. Основной идеей стала подготовка Большого генерального штаба к решению тех задач, которые, по мнению Мольтке, встанут перед ним в ходе ближайших кампаний.

Начальник Большого генерального штаба активно использовал доверительные отношения, существовавшие у него с регентом. В период кризиса 1859 г., связанного с Итальянской войной, Мольтке принял участие в заседании коронного совета⁸ – в первый раз за всю историю генерального штаба его шеф участвовал в совещании столь высокого уровня. Мольтке уже в этот период считал себя главным советником Вильгельма в оперативных вопросах и порой рисковал обращаться к регенту напрямую. В июне 1859 г. он по поручению Вильгельма руководил прусской делегацией на переговорах военных уполномоченных государств Германского союза во Франкфурте. Переговоры проходили весьма успешно, благодаря чему авторитет Мольтке и генерального штаба ощутимо вырос.

После завершения Итальянской кампании Мольтке постарался тщательно проанализировать ее и сделать необходимые для прусской армии выводы. Он все чаще обращался напрямую к Вильгельму, в 1861 г. занявшему королевский престол. Военный министр вынужден был смириться с таким положением дел. Однако на данном

этапе речь шла скорее о росте личного влияния Мольтке, нежели возглавляемой им структуры.

Ситуация начала меняться с возникновением очага конфликта на севере Германии. Дания навлекла на себя возмущение германского общественного мнения, попытавшись присоединить к себе связанные с ней личной унией герцогства Шлезвиг и Гольштейн. Австрия и Пруссия в феврале 1864 г. начали совместную военную операцию, целью которой было вытеснение датчан из герцогств. Несмотря на то что Мольтке участвовал в составлении плана кампании, он на начальном этапе не оказывал никакого влияния на ход военных действий, оставаясь в Берлине в стороне от происходящего. К нему не только не прислушивались, его часто не считали нужным даже информировать о ходе боевых действий. Ситуация изменилась только в апреле 1864 г., когда в ходе военных действий явно обозначилась патовая ситуация – австро-пруссские войска смогли занять Ютландию, однако не нанесли решающего поражения датской армии, сумевшей отойти на острова под прикрытием мощного флота. В этой ситуации Мольтке обратился к Мантойфелю, предложив свой план продолжения кампании. Влиятельный советник короля ухватился за возможность нанести удар своим соперникам в военном министерстве, и 30 апреля Мольтке был назначен начальником штаба союзных войск. На определенное время роль начальника генштаба резко возросла; правильно воспользовавшись этим моментом, он мог существенно усилить свои позиции. Впрочем, даже теперь Мольтке не получил того положения, к которому стремился – единственного военного советника короля. Военный министр находил возможность ненавязчиво напомнить Мольтке, что тот все еще является его подчиненным – чего стоит хотя бы полученное шефом генерального штаба разрешение присутствовать в качестве слушателя (!) на докладах военного министра королю⁹.

После провала мирных переговоров в Лондоне Мольтке наконец-то получил шанс продемонстрировать свои способности. Проведенная под его руководством десантная операция на остров Альс в конце июня 1864 г. увенчалась полным успехом и фактически принудила Данию к прекращению военных действий. 14 августа король писал Мольтке: «Посылая Вас в действующую армию, я не мог предсказать, насколько длительным станет Ваше пребывание здесь и найдете ли Вы возможность реализовать свой талант

полководца. Но с того момента, как Вы заняли свою нынешнюю должность, Вы полностью оправдали мое доверие и мои ожидания»¹⁰. Появление Мольтке на театре военных действий накануне решающего успеха и – главное – несомненный вклад начальника генерального штаба в этот успех не подлежали никакому сомнению; как напишет потом Ф. Меринг, «он появился как раз вовремя для того, чтобы вытащить телегу из болота»¹¹. Теперь авторитет Мольтке в глазах короля был исключительно высок; Вильгельм проникся доверием к шефу своего генерального штаба и был готов передать в его руки судьбу следующей кампании.

Личное влияние Мольтке серьезно увеличилось, но положение генерального штаба практически не изменилось. Генерал сумел доказать свои способности, но отнюдь не потенциал возглавлявшегося им органа. Теперь предстояло сделать большой и важный шаг: внедрить понимание того, что задача шефа генерального штаба – не помогать командующему руководить войсками на поле сражения, как это делали начальники штабов прусских армий эпохи наполеоновских войн, а тщательно готовить кампанию еще в мирное время, опираясь на слаженный труд своих подчиненных. Мольтке необходимо было доказать, что перо в тиши кабинета – в современных условиях не менее необходимое оружие победы, чем сабля на поле сражения.

Возможность представилась достаточно быстро. С начала 1865 г. происходило очередное обострение австро-пруссских отношений – недавние союзники вновь заспорили о том, кто из них будет доминировать в Германии. Мольтке принимал самое деятельное участие в обсуждении проблемы на коронных советах и составлении планов кампании. В последнем ему, безусловно, оказывал решающую помощь Большой генеральный штаб, подготовленный в предшествующие годы к решению подобного рода задач. Проведенные в мае 1866 г. мобилизация и развертывание армии осуществлялись согласно разработанному в Большом генеральном штабе плану; по словам Г. Иссерсона, это был «первый в истории пример планомерной и систематической подготовки мобилизации и развертывания»¹². План развертывания на широком фронте и концентрического наступления, принятый после продолжительных споров, также был разработан Мольтке.

2 июня 1866 г. Мольтке получил послание короля, гласившее: «Я направляю Вам копию Моего сегодняшнего приказа военному

министру, в соответствии с которым Мои распоряжения относительно оперативных передвижений армии и ее составных частей будут передаваться командным инстанциям через шефа генерального штаба. Тем не менее, Вы должны без промедления ставить военное министерство в известность относительно хода дел»¹³. Фактически это означало, что Мольтке становился главным военным советником короля на театре военных действий. Положение, к которому он стремился и которое считал оптимальным для пользы дела, наконец было установлено. Подчинение генерального штаба военному министерству de facto ликвидировалось. 16 июня начались военные действия.

Скоротечная кампания, продолжавшаяся всего лишь около 6 недель, окончилась блестящей победой пруссаков и серьезно укрепила позиции шефа Большого генерального штаба. Мольтке в одночасье стал одним из самых известных и популярных людей в Германии; его роль как главного военного советника короля, фактического главнокомандующего на поле боя, воспринималась уже как норма.

Власть, влияние и возможности Мольтке после победы 1866 г. возросли на порядок. Соответственно, росло и значение подчиненной ему структуры. Теперь в ней числились 109 офицеров, 46 из которых служили непосредственно в Большом генеральном штабе в Берлине. Офицеры Войскового генерального штаба все меньше занимались научными работами и планированием; эти функции сосредотачивались в центре. В 1867 г. генеральный штаб был реорганизован, приняв на себя ряд функций, прежде принадлежавших военному министерству. В частности, II отдел взял на себя работу, связанную с организацией, обучением, мобилизацией и развертыванием армии¹⁴. При генеральном штабе действовали военно-историческое, географо-статистическое, топографическое и геодезическое отделения, а также склад топографических карт. Здесь служили офицеры введенного еще в 1865 г. так называемого дополнительного штата, носившие униформу своих частей, однако прикомандированные к генеральному штабу на более или менее длительное время. Мольтке старался собирать в стенах своей организации наиболее талантливых и интеллигентных офицеров; не случайно в 1868 г. французский военный атташе в Берлине Стоффель писал: «Самое большое превосходство Пруссии, из которого она бесспорно извлечет наибольшие выгоды в будущей войне – это ее корпус

офицеров генерального штаба. Следует громко сказать, как неоспоримую истину: прусский генеральный штаб – первый в Европе»¹⁵.

Гораздо больше стало прикомандированных на короткий (1-2 года) срок офицеров, которые теперь работали не только в топографическом, но и в других отделениях. Кроме того, в работе генерального штаба принимали участие гессенские и саксонские генштабисты; в учебных поездках часто были задействованы их коллеги из Южной Германии. С 1869 г. в них также принимали участие сотрудники интендантского ведомства, чтобы более подробно отработать вопросы снабжения армии. Рост влияния «мозга армии» получил и свое видимое воплощение: в центре столицы, на Королевской площади, началось сооружение для него нового здания. В 1867 г. Мольтке был сделан еще один важный шаг для того, чтобы усилить влияние Большого генерального штаба. С апреля этого года «Военный еженедельник» превратился в военно-теоретический журнал с собственной редакцией, ставший фактически рупором генерального штаба.

Однако далеко не все задачи, которые ставил перед собой Мольтке, были решены. Влияние генерального штаба на армейскую жизнь оставалось весьма ограниченным, любые нововведения, на которых настаивал его шеф, наталкивались на серьезное сопротивление и проходили с большим трудом. Весьма напряженными оставались отношения с военным министерством, которое с видимым неудовольствием наблюдало за восхождением новой звезды в системе военных институтов Пруссии.

Уже зимой 1866–1867 гг. в Большом генеральном штабе началось обобщение опыта минувшей кампании, а в 1867–1868 гг. появилась подготовленная под руководством Мольтке официальная история войны 1866 г. На основе полученного опыта в 1868 г. была выпущена «Инструкция для высших офицеров» – одно из самых важных и одновременно малоизвестных военных сочинений XIX столетия. Она стала первым документом в прусской военной истории, устанавливавшим основные принципы руководства крупными воинскими контингентами. Вплоть до начала XX в. она была строго секретной; после опубликования ее активно изучали и использовали во всех крупнейших армиях мира. И сегодня, несмотря на то, что с той поры прошло почти полтора века, оперативное искусство бундесвера базируется во многом на этом произведении Мольтке.

Если после кампании 1864 г. усилилось личное влияние Мольтке на короля, то после кампании 1866 г. речь идет уже о влиянии Большого генерального штаба на вооруженные силы в целом. Процесс роста этого влияния еще больше ускорился после победоносной франко-германской войны 1870–1871 гг. Мольтке, фактически исполнявший обязанности главнокомандующего, чувствовал себя настолько уверенно, что вступил в конфликт с главой правительства, могущественным Отто фон Бисмарком, который пытался вмешаться в ход военных действий для достижения политических целей. Зародился конфликт между Большим генеральным штабом и правительством страны, который будет продолжаться в течение всего времени существования Второй империи.

Мольтке считал, что политики имеют право голоса только до начала военных действий; ход кампании должен определяться исключительно военными. Формально признавая аксиому Клаузевица о войне и политике, Мольтке, тем не менее, счел необходимым дополнить ее новыми чертами. «Политика использует войну для достижения своих целей, – писал он в 1871 г. – Она решающим образом действует на ее начало и окончание, но в ходе кампании воздерживается от того, чтобы увеличивать свои запросы или пытаться довольствоваться меньшим успехом. Стратегия может направлять свои усилия только на высшую цель, которая вообще достижима имеющимися у нее средствами. Она наилучшим образом работает на руку политике, для ее целей, но будучи совершенно независимой от нее в своих действиях»¹⁶. Впоследствии эта точка зрения получит дальнейшее развитие – момент начала войны должен тоже определяться военными, а не политиками, поскольку офицеры генерального штаба лучше знают, какой момент наиболее благоприятен для победы.

В начале 1870-х гг. Большой генеральный штаб, формально оставаясь в подчинении военного министерства, в реальности оказался на одной ступени с ним. Он был в очередной раз реорганизован. Теперь в нем насчитывалось 4 отделения основного штаба. Три из них были военно-статистическими. Первое занималось Скандинавией, Австро-Венгрией и Россией; второе – Германией (которая тоже могла стать театром военных действий), Данией, Италией и Швейцарией; третье – Западной Европой и Америкой. Четвертое – железнодорожное – отделение заведовало составлением планов

перевозок на случай мобилизации. Именно его Мольтке рассматривал в качестве наиболее важного, поскольку именно здесь разрабатывались планы мобилизации и развертывания армии.

Руководили отделениями офицеры в звании полковника или подполковника. Дополнительный штат образовывали сотрудники военно-исторического, статистико-географического отделений и военно-топографического отдела, включившего в себя топографическое, картографическое и тригонометрическое отделения, а также склад топографических карт. Кроме того, в рамках генерального штаба действовало бюро известий, собиравшее новейшие разведывательные данные об иностранных армиях, а также управление старшего адъютанта, в ведении которого находились кадровые вопросы и переписка шефа генерального штаба. Всего в Большом генеральном штабе насчитывалось 74 офицера основного и 45 – дополнительного штата, 18 чиновников и 12 нижних чинов, не считая сотрудников военно-топографического отдела¹⁷. Кроме того, службу здесь проходили и прикомандированные офицеры из частей. По сравнению с 1857 г. его численность выросла в 4 раза¹⁸.

В штабе каждого корпуса состояли 3 офицера (начальник – в звании полковника или генерала), в штабе дивизии – один. Таким образом, Войсковой генеральный штаб насчитывал более 70 офицеров, а общая численность генштабистов приближалась к 200 сотрудникам. Расходы на этот институт в 1875 г. составили 1,22 млн. марок¹⁹ (общие расходы на вооруженные силы – около 300 млн.). После победы над Францией был создан специальный батальон железнодорожных войск, напрямую подчиненный генеральному штабу и в 1876 г. увеличенный до размеров полка.

Основной задачей прусского Генерального штаба оставалось военное планирование. Фактически он выполнял функцию общеимперского – баварский, саксонский и вюртембергский штабы существовали, но не играли самостоятельной роли. Важной функцией генерального штаба было составление мобилизационных планов, которые перерабатывались ежегодно. С 1874 г. все они централизованно составлялись в Берлине. Генеральный штаб, как и ранее, являлся главным поборником прогресса, ратуя за введение новых тактических приемов, новых образцов вооружения, одним словом – за следование веяниям времени.

Однако его возможности непосредственно определять обучение, тактику, вооружение и организацию армии оставались незначительными²⁰.

Сотрудники генерального штаба образовывали в армии «элиту внутри элиты». Как вспоминал будущий фельдмаршал и рейхспрезидент П. фон Гинденбург, к ним выдвигались особые требования – высокие способности и интеллект должны были сочетаться в них с личной скромностью и отстраненностью от «мирских» проблем – в соответствии с формулой Мольтке «быть большим, чем кажешься»²¹. С 1872 г. в подчинение генеральному штабу была передана военная академия; тем самым Большой генеральный штаб получил в свои руки контроль над подготовкой элиты офицерского корпуса. Как и прежде, сотрудники генерального штаба ежегодно отправлялись на учения, которые проводил лично их шеф. Учебные поездки, в которых принимало участие от 20 до 40 офицеров, проходили в приграничных областях Германии и продолжались всякий раз около 2 недель. Здесь на местности проверялась правильность военного планирования и способность генштабистов адекватно реагировать на постоянно меняющуюся ситуацию. Кроме того, Большой генеральный штаб обеспечил себе практически монопольное положение в области военной истории. Процесс возвышения Большого генерального штаба, начавшийся в конце 1850-х гг., после образования в 1871 г. Германской империи фактически полностью завершился.

Резюмируя все сказанное выше, необходимо отметить, что резкий рост значения и влияния прусского Большого генерального штаба объясняется целым рядом факторов – как объективных, так и субъективных. Ему в значительной степени способствовали как конфликты внутри самой военной элиты, так и внутри- и внешнеполитические кризисы, которые переживала Пруссия в течение 1860-х гг. Большую роль сыграла также личность шефа Большого генерального штаба Гельмута фон Мольтке – причем речь идет не только о его военных талантах, но и о связях в высших эшелонах власти, которые помогали ему усиливать значение подчиненной ему структуры. Все это дало возможность Мольтке и Большому генеральному штабу проявить себя на полях войн 1864–1871 гг. и приобрести соответствующие власть и влияние в новой Германской империи.

¹ «Западная» для Западной Германии и Франции, «Срединная» для Средней и Южной Германии, а также Австрии и «Восточная» для России и Скандинавии. Это деление оказалось достаточно удачным и просуществовало почти до конца столетия.

² Прусско-германский генеральный штаб. М., 1966. С. 21.

³ Burchardt L. Helmut von Moltke, Wilhelm I und der Aufstieg des preussischen Generalstabes / Generalfeldmarschall von Moltke. Seine Bedeutung und Wirkung. München, 1991. S. 20.

⁴ Messerschmidt M. The Prussian Army from Reform to War / On the Road to Total War. Cambridge, 1999. P. 271.

⁵ Moltke H.K.B.v. Leben und Werk in Selbstzeugnissen. Leipzig, s.a. S. X.

⁶ Craig G. Die preussischdeutsche Armee 1640–1945. Düsseldorf, 1960. S. 217.

⁷ Helmert H. Kriegspolitik und Strategie. Berlin, 1970. S. 56.

⁸ Совещание, созывавшееся монархом по наиболее важным проблемам внутренней и внешней политики; заседания были тематическими и нерегулярными, состав зависел от повестки дня. В обязательном порядке в заседании принимали участие монарх, наследник престола, глава правительства и ряд министров.

⁹ Moltke H.K.B.v. Leben und Werk... S. VIII.

¹⁰ Idem. Aufzeichnungen. Briefe. Schriften. Reden. Ebenhausen, 1923. S. 236.

¹¹ Mehring F. Krieg und Politik. Bd.1. Berlin, 1959. S. 122.

¹² Иссерсон Г. Военное искусство эпохи национальных войн второй половины XIX века. М., 1933. С. 68.

¹³ Herre F. Moltke. Stuttgart, 1984. S. 229.

¹⁴ Прусско-германский генеральный штаб. С. 45.

¹⁵ Иссерсон Г. Указ. соч. С. 147.

¹⁶ Craig G. Op. cit. S. 240.

¹⁷ Записка об устройстве военного управления в Германии и Австрии. Б.м., 1881. С. 4–5.

¹⁸ Burchardt L. Op. cit. S. 33.

¹⁹ Германия. Отд. 2. Вооруженные силы. СПб., 1875. С. 86.

²⁰ Прусско-германский генеральный штаб. С. 65.

²¹ Hindenburg P.v. Aus meinem Leben. Leipzig, 1920. S. 57.